

УДК 235.3:821.161.1

Е. К. Щербакова

ЮРОДИВЫЕ И БЛАЖЕННЫЕ В ТЕКСТАХ РОССИЙСКОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ И ИГРОВОГО КИНО РУБЕЖА XX–XXI ВЕКОВ

Аннотация: Статья посвящена исследованию образов юродивых и блаженных в современной художественной культуре на примере рассказа О. Николаевой «Любовные доказательства» и кинофильмов Е. Николаевой «Ванечка» и С. Струсовского «Блаженная». Автор считает, что юродивые и блаженные в наше время воспринимаются обществом не как святые, а как странные, непохожие на других, иные, поскольку стараются жить согласно христианским заповедям. Методами исследования явились историко-генетический, сравнительно-исторический, сравнительно-типологический, а также метод описательной поэтики, раскрывающий художественно-эстетическое своеобразие конкретного текста путём последовательного монографического исследования. В заключении делается вывод о том, что такие литературные типы, как юродивый и блаженный, появившиеся в древнерусских текстах, претерпели трансформации в текстах XVIII–XIX вв., оставались в литературе XX в. и вновь были актуализированы в произведениях художественной культуры рубежа XX–XXI вв. как своего рода отклик на социокультурные изменения, как вызов массовому обществу с его потребительским мышлением.

Ключевые слова: современная литература, игровое кино, юродивый, блаженный, О. Николаева, кинофильм «Ванечка» режиссёра Е. Николаевой, кинофильм «Блаженная» режиссёра С. Струсовского.

Сведения об авторе: Щербакова Евгения Константиновна – кандидат педагогических наук, доцент, заведующая кафедрой филологических дисциплин Оренбургской духовной семинарии (Россия, Оренбург). E-mail: Galereya-k@ya.ru

Цитирование: Щербакова Е. К. Юродивые и блаженные в текстах российской художественной литературы и игрового кино рубежа XX–XXI веков // Вестник Оренбургской духовной семинарии. 2024. Вып. 1 (30). С. 160–174.

Поступила в редакцию 01.03.2024

Принята к публикации 29.03.2024

В современной массовой культуре словом «юродивый» обозначаются люди, непохожие на других, стремящиеся жить нравственно, смело говорящие правду. Исторически «юродивые» и «блаженные» – синонимичные понятия, но в настоящее время их отчасти различают, выделяются отличительные семантические свойства каждого понятия, о чём будет сказано ниже. В православном сознании юродивый представляется как религиозный подвижник, любящий Бога, отдающий всё, что у него есть, другим и отказывающийся от земных благ и удобств, «ведущий крайне аскетический образ жизни и добровольно принявший на себя подвиг мнимого безумия ради Христа» [5]; при этом он открыто, без страха говорит правду в глаза любому человеку, простолюдину и царю. Он не боится гонений, унижений и побоев, стремится достичь смирения. Этот «светский вариант юродства» (А. М. Панченко) возник ещё в XVIII веке, обусловив появление русской классики XIX века с её высоко развитым чувством совести [14, с. 406]. Так, к юродивым, согласно общественному мнению, можно причислить артиста Петра Мамонова, сыгравшего главные роли в фильмах П. Лунгина «Царь» и «Остров».

Понятия «юродивый» и «блаженный» в справочной литературе чаще всего рассматриваются как синонимы, хотя в современных словарях появляется новый аспект понимания смысла жизни блаженного, реализующийся на грани категорий церковного и светского: «это в высшей степени счастливый» [2, с. 96]. В «Православной энциклопедии» среди четырёх определений понятия «блаженный», три из которых связаны с именованием святости, одно употребляется в относительно обыденном значении: «именование, прилагаемое ко всякому человеку, стремящемуся вести праведную жизнь, в качестве прилагательного со значением «счастливый, благополучный...» [1, с. 352].

Зачастую юродивый внешне неразумен, при этом именно его Господь наделяет высшим знанием. «Блаженный человек тоже достигает святости, но необязательно его поведение странно. Просто он тихий, улыбчивый, с лёгкостью переносит любое оскорбление, потому что в душе у него блаженное состояние. Такой человек обладает смиренной душой» [7].

Цель статьи: в текстах современной художественной литературы и игрового кинематографа выявить богословское осмысление подвига юродивого и блаженного; установить, какие приёмы используются для репрезентации их образов; уточнить, воспринимается ли в современной литературе юродство как сакральное явление и отличаются ли современные образы юродивых и блаженных от канонических образов древнерусской литературы.

В дореволюционном труде И. Ковалевского «Христа ради юродивые» (1903 г.) даётся богословское осмысление подвига юродивого и утверждается, что он основывается на апостольском учении и по сравнению с другими видами подвижничества требует больше труда и стоит выше на духовной лестнице [12]. По его мнению, юродство – это постоянное мученичество, так как требуется очень много терпения, чтобы постоянно сохранять душу и тело чистыми от греха в миру. И. Ковалевский доказывает, что юродивые, они же блаженные, по доброй воле из любви к Богу принимали самый тяжёлый крест, а их безумие является мнимым.

Теме юродства как культурного феномена посвящены труды известных советских учёных М. М. Бахтина, Д. М. Лихачёва, С. С. Аверинцева, А. М. Панченко, А. В. Юдина и др. В этих работах жизнь юродивого рассматривалась как отражение смехового мира русской культуры. Но, в отличие от скомороха, задача которого – развеселить, юродивый учит. В юродстве акцентируется внеэстетическая функция, смеховая оболочка скрывает дидактические цели. Юродивый – это посредник между народной культурой и культурой официальной. Он объединяет мир смеха и мир благочестивой серьёзности, балансирует на грани комического и трагического.

В книге «Святые Древней Руси» Г. П. Федотова подвигу юродства посвящена отдельная глава. Автор выделяет составные части подвига «безумцев»: аскеза, борьба с тщеславием; утверждение глубокой христианской правды; проповедничество. Он подчёркивает, что XVI век был самым ярким в истории юродства, когда «юродивые Христа ради» подвизались в социальном служении обществу. Г. П. Федотов отмечает близость русскому мировосприятию подвига юродства и отсутствие его аналога на Западе [19].

Отечественные учёные, рассматривая юродство как социокультурный феномен, выделяют две его стороны: смеховую и сакральную, – и чаще всего приходят к выводу, что смыслообразующей является вторая сторона. А. М. Панченко отмечает юродствующее поведение многих деятелей старообрядчества, честных и бескомпромиссных в своей борьбе за веру. Велико значение юродивых в русской истории: цари часто прислушиваются к их мнению и просят совета. А. М. Панченко пишет об активной и пассивной сторонах юродства, которые «как бы уравнивают и обуславливают одна другую: добровольное подвижничество, бездомность, нищета и нагота дают юродивому право обличать „горделивый и суетный мир“. „Благогодовать почиет на худшем“ – вот что имеет в виду юродивый» [14, с. 393]. Пассивная сторона его сущности – крайний аскетизм, активная – обличение грехов, обязанность «ругаться миру». Однако при этом не имеется

в виду сквернословие, не случайно современный исследователь, анализируя яркий образ юродивого Фомы в романе «Лавр» Е. Водолазкина, подчёркивает несоответствие поведения персонажа духовному облику его древнерусских собратьев: он сквернословит, а «в устах юродивого выражение „ругаться миру“ никак не могло быть связано с матерной бранью» [17, с. 31]. На примере жизнеописания Василия Блаженного А. М. Панченко подчёркивает, что юродивому, в отличие от житийного героя, дозволяется смех, считавшийся на Руси и в целом в христианстве противозаконным, ввиду того что всеми понималась его особая миссия говорить правду в глаза, не соотносясь с положением и чином человека. Исследования А. М. Панченко, всеохватно характеризующие бытовую сторону жизни юродивых, в наше время продолжают дополняться деталями.

Современный исследователь И. Г. Чеботарёв делает очень важное уточнение по поводу поведения юродивого и характера его смеха. Этот мнимый безумец не был приживалом в богатом доме, развлекающим хозяев, как шут, не был странствующим комедиантом, как скоморох. «При тщательном рассмотрении „юродства“ можно прийти к заключению, что поведение юродивого – не актёрство, не представление и не зрелище, которое вызывает смех. Его „смех“ заключается не в хохоте, дурачестве или шутовстве, смех юродивого следует понимать формально, как реализацию стратегии поведения, тогда как тактикой является „плач“ с целью содействия исправлению окружающих» [20].

В трудах Т. Р. Руди, С. Е. Юркова, Т. А. Недоспасовой продолжается реконструкция конкретных исторических фактов, имён, особенностей поведения, аскетического духовного делания древнерусских юродивых. А. Л. Самойловский в своей статье «Юродивые в русской традиции» особый акцент делает на том, что понятия «юродство», «юродствование» неоднозначны и могут по-разному истолковываться с точки зрения социологии и религиоведения. С опорой на первоисточники и вышеуказанные критические работы он обобщает типологические черты православных юродивых [16].

Выявляя черты юродивых и блаженных в текстах российской художественной литературы и игрового кино рубежа XX–XXI веков, мы будем рассматривать явление, которое А. М. Панченко назвал «светским вариантом юродства», обусловившим появление особой совестливости русской классики, не равнодушной к добру и злу. Это явление возникает в XVIII веке в новый петербургский период, спустя почти сто лет после никоновских и петровских гонений на «безумцев».

В произведениях классической русской литературы юродивый и блаженный не частые персонажи, но они присутствуют в текстах, где осмысливается нравственная основа власти, сущность русской жизни: «Борис Годунов» А. С. Пушкина (юродивый Николка), все романы Ф. М. Достоевского, в частности «Братья Карамазовы» (юродивая Лизавета Смердящая), «Идиот» (обладающий всеми чертами блаженного князь Мышкин) и др. Героями литературы XIX века становятся и лжеюродивые; так, в рассказе Н. С. Лескова «Маленькая ошибка», в романе Ф. М. Достоевского «Бесы» прототипом чудаковатого «прозорливца» стал известный в Москве старец, насельник психиатрической больницы Иван Яковлевич Корейша, о святости которого в наше время ведутся споры.

Черты если не юродивых, то блаженных можно найти и в персонажах советской литературы: так, Матрёна, главная героиня «Матрёнина двора» А. И. Солженицына, или Юшка из одноимённого рассказа А. П. Платонова – люди, наделённые даром радости, счастья, бескорыстно помогающие другим, а значит, блаженные.

В современной литературе также появляются яркие образы юродивых и блаженных, зачастую трансформированные: это правдоискатели, борцы в одном случае и тихие, спокойные в другом случае люди, которым близко православное вероучение и которые воспринимаются другими как странные.

В текстах православных авторов рубежа XX–XXI вв., где есть место и художественному вымыслу, и непридуманной жизни воцерковлённых людей (жанр нон-фикшн в православной среде приобретает особенную популярность в 1990–2000 гг.), юродивые и блаженные становятся частыми персонажами. Чертами юродства обладают персонажи книги «Несвятые святые» архимандрита Тихона (Шевкунова), образ прозорливца появляется в рассказе прот. Н. Агафонова «Юродивый Гришка» (герой запоминается благодаря ироничной фразе «Помилуй мя, Боже, на боку леж»), в романе Е. Водолазкина «Лавр» и т. д.

Персонажей, схожих с блаженными, встречаем, например, в «Монастырских историях» О. Рожневой, в сборнике рассказов «Ведро незабудок» А. Богатырева и др.

Герои-юродивые, блаженные, а ещё и лжеюродивые, живут и в прозе О. Николаевой. «Среди героев Николаевой благочестивые миряне, монахи, священники, „святые старцы“. Персонажи так называемого житийно-идиллического типа: у них твёрдые установки сознания и поведения, то, что принято называть „верностью нравственным устоям“» [9, с. 173].

Непохож на других несчастливый горбун Кукс из повести «Кукс из рода серафимов», сокрушающийся из-за своего уродства, тоскующий по красоте и мечтающий о большой любви, искусный резчик по дереву; выделяется из толпы Митя Каретников, друг и учитель Александра Берга из романа «Меценат», «апологет равнодушия к материальному (высшая похвала в его устах – «ему ничего не надо»), мальчик военных лет, мученик советского времени, сумевший, однако, дорогой ценой отстоять внутреннюю свободу и прожить настоящую жизнь, сочетающую трагизм и блаженство» [11]. Роман «Меценат» занимает отдельное место в творчестве О. Николаевой, он всеохватно характеризует неофитскую православную жизнь России 1990-х гг., не случайно в нём появляются и авантюристы-лжеюродивые, такие как Фёдор Лютик, «психически больной, одержимый тщеславием проповедника и „спасителя мира“» [11], именно он идейный вдохновитель убийства в произведении.

Яркий образ героини-блаженной появляется в рассказе О. Николаевой «Любовные доказательства». Героиня Люба всю жизнь сохраняет нежность к бывшему мужу и через двадцать лет, узнав о перенесённом им инсульте, радуется возможности навестить его в санатории. Она тешит себя надеждой, что Пётр Мраморнов сожалеет, что сделал в молодости ошибку, разведясь с нею по той причине, что видел в ней исключительно друга, а не женщину. Любе хочется поговорить по душам, утешить этого по-прежнему дорогого ей человека, рассказать ему о Боге: «Семью рушить я не собираюсь. Но о христианстве должна я ему хоть что-то объяснить, так? Ведь умрёт нехристом, не приведи Господи. Евангелие ему привезу, а то – где он возьмёт? Да и вообще – погляжу, попрощаюсь» [6, с. 222]. Однако она сомневается, поймет ли он её, примет ли, и понимает, как легко его было «увести» из семьи от неё, «растяпы» [6, с. 225]. «Ведь он ей так и говорил с нежностью: „Растяпа ты моя!“» [6, с. 225]. Люба счастлива в своём неведении тёмной стороны жизни, она созерцает, вспоминает, жалеет, оправдывает и никогда никого не осуждает, подобно блаженной, и соответствует своему имени.

В свою очередь, имя героя Пётр¹ свидетельствует об ироничном отношении автора к этому персонажу: камень оказывается непрочным и при первом ударе – искушении женским вниманием – раскалывается, как мрамор. Вторая жена Мраморнова, «выбеленная перекисью блондинка»

---

¹ Пётр (Πέτρος) с др.-греческого переводится как камень.

[6, с. 226], не выдерживает сравнения с Любой: вульгарная наружность, властное поведение, самодовольная ограниченность – так складывается образ женщины-хищницы, модного типажа 1990-х гг. Контрастность характеров и мироощущения двух женщин наглядно подчёркивает их одежда. Платье Любы из ткани василькового цвета в белый мелкий цветочек с «пышненьким» рукавчиком: от самого плеча как бы крылышки, воротник большой белый, почти пелерина» [6, с. 228], «кружева голубые, белые, с нежной прожилочкой» [6, с. 229], делает её похожей на ангела.

Некогда обладательница красного платья с золотым пояском, а ныне в голубом спортивном костюме, «обтягивающем мощную фигуру» [6, с. 236], вторая жена Мраморнова Катя особенно выделяется красивым, одутловатым, сильно накрашенным лицом, хорошим аппетитом, осуждает «безвкусицу» в одежде Любы и считает себя настоящей христианкой: «Это мы-то нехристи? – взвилась Катя. – И куличи печём, и пасху святим... Ишь, святоша нашлась. По-прежнему ведь, небось, влюблена в тебя» [6, с. 244]. Женское чутьё точно подсказывает героине причину приезда бывшей соперницы. А чистая, наивная душа Любы находит семь доказательств любви к ней бывшего мужа, последнее из которых – присланная на её адрес открытка, случайно купленная Мраморновым на сдачу в магазине.

В 2000-х гг. к проблеме юродства (в широком смысле) в современном мире обращаются российские кинорежиссёры. Эти христианские вопросы звучат в исторической драме «Царь» реж. П. Лунгина, в лирической комедии «Старец Паисий и я, стоящий вверх ногами» реж. А. Столярова, в социально-психологических драмах «Бабуся» реж. Л. Бобровой, «Ванечка» Е. Николаевой, «Блаженная» С. Струсовского и др.

Главная героиня фильма «Ванечка» [4] Надя, приехавшая в столицу поступать на актёрский факультет (время действия – 1998 год), становится свидетельницей аварии, в результате которой погибает супружеская пара, и у Нади на руках оказывается грудной ребёнок Ванечка. То, как ведёт себя в этой трудной ситуации девушка, выдаёт в ней черты инаковости, непохожести на других, воспринимаемых как некая странность, юродство.

А. М. Панченко в своём литературоведческом труде подчёркивает роль молчания в поведении юродивого [14], и, хотя Надя не молчит в буквальном смысле слова, но по сравнению с окружающими она немногословна и любит тишину. Г. С. Дебольский в конце XIX века писал, что для подвига юродивого «потребно великое самоотвержение, чрезвычайное к себе беспристрастие, терпение, а вместе потребна и высокая мудрость, чтобы бесславию своё обращать во славу Божию; в смешном ничего

не допускать греховного, в неблагопристойном ничего соблазнительного, в обличении ничего несправедливого» [10, с. 560]. Поступки Нади соответствуют этим правилам поведения юродивого. Стремясь уберечь Ванечку, девушка устраивается нянечкой в Дом малютки, работает самоотверженно и честно и уже не заботится о карьере артистки. Но, прочитав в газете о гибели в США усыновлённого русского ребёнка, она крадёт из детдома Ванечку, которому тоже предстоит ехать к приёмным родителям в Америку.

Героиня наивна и целомудренна: она запрещает подруге курить при ребёнке, отвергает плотские добрачные отношения с нравящимся ей спонсором Павлом Антоновичем, при этом всегда искренно говорит то, о чём думает. Найдя прибежище у бастующих шахтёров, она честно признаётся, что украла ребёнка. Именно там Ванечку крестит священник, духовно окормляющий бастующих. Особенно важно, что в трудные минуты Надя, которую никто не учил молиться, обращается к Богу. В первый день Ванекиного сиротства, испугавшись сильной грозы, зрелища бьющихся стёкол, Надя даёт обещание не оставлять ребёнка.

Мотивы грозы, дождя в фильме символичны. Несмотря на безвыходность положения героини, она надеется на чудо, вполне соответствуя своему имени – Надежда, и живёт одним днём, прося Бога помочь. Она радуется веселью Ванечки, увидевшему мыльные пузыри, радости купающихся младенцев-сирот. И хотя чудо происходит – пожилой шахтёр, крестный Вани, предлагает героине с ребёнком уехать вместе с ними в Сибирь, где их никто не найдёт и где из мальчика он поможет воспитать настоящего мужчину, Надя не может бросить в беде и другого ставшего ей близким человека.

В финале Надя вместе с Ванечкой стоит на крыше высотки и уговаривает Павла Антоновича, разорившего фирму из-за рискованной финансовой операции, не бросаться вниз, потому что она его любит. Будущее героев кажется неутешительным – возможно, каждого ждёт тюрьма, но у них есть настоящее. Но Надя, честная, открытая, как юродивая, убедительно говорящая, не даёт неудачливому финансисту закончить жизнь самоубийством, вселяет в него надежду на лучшее.

В кинофильме С. Струсовского «Блаженная», в одной из рецензий названном православным, где есть черты мелодрамы и отчасти жанра «хоррор», главная героиня Александра – девушка не от мира сего, художница, наивно глядящая на мир и равнодушная к большому состоянию дедушки, наследницей которого она является и ради исполнения воли которого приезжает в большой город.

Проблематика фильма созвучна размышлениям Ф. М. Достоевского об идеальном человеке. Авторы «Блаженной» ищут ответ на вопрос о том, может ли выжить человек с чистой душой в мегаполисе, куда многих приводит мечта о больших деньгах. В отличие от князя Мышкина, героиня никому не пытается объяснять суть добра, истины. И если князь Мышкин, мужчина, не может вынести насилия, свидетелем которого становится, то героиня-женщина сама становится жертвой насилия. Приехав из провинциального города, Александра не понимает, что нельзя угощать завтраком на мостовой нищего, что ночью опасно ходить по проспектам, спускаться в подземный переход. Однако она уверена, что замуж выходят по любви и что свадьба должна быть торжественной, с белым платьем.

Героиня тяготеет к открытому пространству, и в этом её стремлении актуализируется мотив свободы, столь важный в кинофильме. Изначально чистый и добрый ребёнок, делящийся с собакой завтраком, она остаётся такой и повзрослев. Девушка не разочаровалась в жизни, став свидетелем убийства мамы собственным отцом, не разлюбила жизнь после того, как была изнасилована (именно эти сцены характеризует фильм в жанровом отношении как «хоррор»), но для неё невыносима мысль о том, что она больше не сможет заниматься живописью и должна будет учиться в институте налоговой службы.

Обращаясь к теме присутствия элементов жанра «хоррор» в кинотексте, отметим, что в современном значении это не собственно фильм ужасов. Характерной приметой времени стало то, что «элементы фильма ужасов всё чаще встречаются в современных фильмах-фэнтези, фильмах-антиутопиях, фильмах-катастрофах, триллерах и фильмах о персонажах с различными психическими отклонениями» [15, с. 253]. Именно таковой, ненормальной, воспринимают Александру жители столицы, представители новой бизнес-элиты.

Свобода для Александры – это возможность заниматься живописью, слушать тишину. В фильме показаны разные виды тишины – светлой и тёмной. Кадр со сценой рисования намеренно удлинён – зритель любителюется спокойствием и безмятежностью Александры, светлой тишиной. Проникнутая жалостью к умершему дедушке, героиня рисует младенца в гробу (человек беззащитен, когда рождается и умирает). На похоронах именно внучка увидела в гробу не старика, а ребёнка и протянула руки, чтобы взять его, и этот жест вместе с другими мнимыми странностями героини был воспринят как действия блаженной. В свою очередь, дедушку, ещё недавно всеильного благодаря богатству, наступает судьба бунинского Господина из Сан-Франциско.

Тёмная тишина охватывает Александру на крыше высотного дома, куда приводит её товарищ по психиатрической больнице Артём. Перед тем как, падая, повиснуть над бездной, держась за руки полубезумного спутника, девушка, жертва психиатра-насильника, находящаяся под воздействием наркотических веществ, говорит, что ей страшно. Этот страх пробивается из глубины её чистой души, он отвергает гулкую тишину ночного города, защищает её и не даёт ей погибнуть.

Современный исследователь отмечает, что «уроки тишины, которые преподносит нам кинематограф, не уместились бы и в десятки книжных томов в силу многогранности киноискусства <...> Безмолвие – настоящий вызов для режиссёра. Ведь, в сущности, речь идёт о запечатлении на плёнку того, что запечатлеть невозможно – как кажется на первый взгляд, – и что принадлежит области невыразимого, скрытого, подразумеваемого, намёка» [13, с. 95].

Особое значение в кинокартине «Блаженная» имеют контрасты. Это контрасты визуальные и характерологические: наивная большеглазая героиня, уважающая и бизнесмена, и бомжа, окружена заботой циничного деда-олигарха, любующегося её миловидностью красавца Романа, главного помощника деда, что не мешает ему спланировать её убийство ради денег.

Интересны и цветовые контрасты. Визуальные эффекты, сочетание чёрного и белого устрашают (деловые чёрные костюмы бизнесменов и белый халат врача-насильника; девушка в больничной светлой пижаме на фоне чёрной ночи на краю высотки). В большом городе, как кажется поначалу, нет места доброте.

Вневременность в кинофильме противопоставлена движению, длительному, спокойному времени – короткому, динамичному. Время динамичное репрезентируется в сценах светских раутов бизнесменов, в эпизоде наказания психиатра-насильника Романом, лжемужем героини. Именно потому, что динамичное время жестоко и равнодушно, неожиданно сходит с ума, а затем умирает дедушка героини, ещё недавно всесильный и похожий на языческого идола. Смерть приходит к персонажу внезапно, и у него уже нет возможности покаяться. Режиссёру удаётся показать «утрату чувства вечности в результате оскудения веры» [18, с. 92].

Особое, духовное, время связано с образом главной героини, оно присутствует в сценах творчества и тесно связано с пространством природы. Так, вид старого русского города зимой в финальном эпизоде, напоминающий эпичные картины В. И. Сурикова [18, с. 108], дарит надежду на спокойное будущее Александры.

Мироощущение героини – это мироощущение счастливого, блаженного человека. Она не прикладывает усилий, чтобы после очередного потрясения учиться радоваться жизни заново; радость – то, что ей изначально дано. Её страх, возникающий по факту настоящего события, длится некоторое время, но, как только устраняется его источник, Александра снова возвращается к рисованию, выражая сострадание к человеку в творчестве и оставаясь безмятежной в душе.

Хотя отдельные эпизоды фильма и замысел в целом соответствуют выражению православной идеи, стремлению показать, как необходимо в современном жестоком мире добро и что нагляднее всего оно заметно в поведении людей не от мира сего, в целом фильм отнести к православным достаточно сложно. Так, слова архимандрита Симеона (Томачинского) о другом кинофильме можно применить и к данной режиссёрской работе: то, что у режиссёра С. Струсовского «показано прямо и откровенно» – сцена убийства матери героини – молодой красивой женщины, изнасилования Александры психиатром, сцена того, как пользуется беззащитностью просительницы дедушка-олигарх (при этом натурализм в явственном виде всё-таки отсутствует), в православном кинофильме должно «обозначаться едва уловимым штрихом, обрывком фразы, лёгким жестом, деликатно, целомудренно» [8, с. 46], как это происходит в кинофильме «Ванечка» Е. Николаевой.

Таким образом, современная художественная культура на новом витке развития вновь актуализирует тему юродивых и блаженных, не ушедшую из литературы XX века, продолжающей традиции культуры XVIII, XIX веков с её высоко развитым чувством совести. Особое значение в произведениях, где юродивые и блаженные – главные герои, приобретает приём контраста, подчёркивающий цинизм и равнодушие современного массового общества к вопросам нравственности. В произведениях художественной литературы, в частности в прозе О. Николаевой, в текстах игрового кино (режиссёров Е. Николаевой, С. Струсовского и др.) юродство понимается с опорой на традиционные представления, но уже не воспринимается как сакральное явление. Правдолюбец, честный человек, не желающий мириться со злом, активно действующий, предстаёт в современном обществе как юродивый. В свою очередь, герой, живущий в состоянии внутренней тишины и счастья, – блаженный; он тоже остро чувствует правду и ложь, но не стремится оказывать воздействие на других. Отличие образов юродивых и блаженных от канонических образов древнерусской литературы определяется отношением в православной вере. Юродивые и блаженные не одарены даром прозорливости, не обладают святостью и даже зачастую не очень опытные в религиозных

вопросах, но они в большей или меньшей степени понимают суть православной веры и, нередко наивно обращаясь к Богу с молитвой, всеми силами желают верить. И первый, и второй воспринимаются обществом в текстах современных авторов как странные, непохожие на других, психически неполноценные люди.

Источники

1. Блаженный // Православная энциклопедия / под ред. Патриарха Московского и всея Руси Алексия II. Том V. Бессонов-Бонвеч. М., 2002. С. 352.
2. Блаженный // Словарь русского языка / под ред. А. П. Евгеньевой. М., 1981. Т. 1.
3. Блаженная : худ. фильм / режиссер С. Струсовский (91 мин. 53 сек.). Россия, Украина : Компания «Абсолют Фильм» при поддержке Федерального агентства по культуре и кинематографии России, 2008. – Изображение (движущееся, двухмерное) : видео.
4. Ванечка : худ. фильм / режиссер Е. Николаева (103 мин.). М. : «Фонд Михаила Калатозова», «КиноРентСервис», 2007. – Изображение (движущееся, двухмерное) : видео.
5. Юродивый Христа ради // Большая российская энциклопедия. 2004–2017. URL: https://old.bigenc.ru/religious_studies/text/4933067 (дата обращения: 04.03.2024).
6. Николаева О. Любовные доказательства // О. Николаева. Кукс из рода серафимов. М. : Изд-во храма святой мученицы Татианы, 2010. С. 221–246.

Литература

7. Амвросий (Юрасов), архим. О вере и спасении. URL: <http://gb.rbook.club/book/16501275/read/page/129/> (дата обращения: 04.03.2024).
8. Симеон (Томачинский), архим. Мягкая сила культуры. М. : Данилов мужской монастырь. 2015. 160 с.
9. Бойко С. С. Книги для бессмертных: Теоцентричная проза православных писателей XX–XXI вв. М. : РГГУ, 2021. 341 с.
10. Дебольский Г. С. Дни Богослужения православной кафедральной восточной церкви. Т. 1. СПб. : Изд. книготорговца И. Л. Тузова, 1887. 664 с.
11. Феофила (Лепешинская), игумения. «Меценат» Олеси Николаевой : энциклопедия русской жизни. URL: <http://pravoslavie.ru/63113.html?ysclid=ltfmtndu5j670951663> (дата обращения: 04.03.2024).

12. Ковалевский И. А. Юродство о Христе и Христа ради юродивые восточной и русской церкви. М., Репринт, 2013. 256 с.
13. Корбен А. История тишины от эпохи Возрождения до наших дней / пер. с фр. О. Поляк. М. : Текст, 2020. 141 с.
14. Панченко А. М. Юродивые на Руси // Русская история и культура: работы разных лет / А. М. Панченко. СПб. : Юна, 1999. С. 392–407.
15. Познин В. Ф. Жанр хоррор в современном российском кино // Вестник Санкт-Петербургского университета. Т. 10. Вып. 2. Искусствоведение. 2020. С. 248–264.
16. Самойловский А. Л. Типологические черты образа юродивых в русской православной традиции (на примере московских святых) // Наука. Общество. Оборона. 2022. Т. 10. № 3(32). С. 22–22.
17. Сковородникова А. П. Ложка дегтя в бочке меда (об одной «детали» романа Евгения Водолазкина «Лавр») // Политическая лингвистика. 2018. № 2(68). С. 29–39.
18. Третьяков Н. Н. Образ в искусстве. Основы композиции. Свято-Введенская Оптина пустынь, 2001. 261 с.
19. Федотов Г. П. Святые Древней Руси. М. : Изд-во АСТ, 2003. 700 с.
20. Чеботарев И. Г. Лингвокультурный типаж «юродивый»: историческая справка // Альманах современной науки и образования. Тамбов : Грамота, 2015. № 1(91). С. 112–115.

E. K. Shcherbakova

THE FOOLS AND THE BLESSED IN THE TEXTS OF RUSSIAN FICTION AND FEATURE FILMS OF THE TURN OF THE 20TH – 21ST CENTURIES

Abstract: The article is devoted to the study of images of the foolish and blessed in modern artistic culture, using the example of O. Nikolaeva's story "Love Proofs", and E. Nikolaeva's films "Vanechka" and S. Strusovsky's "Blessed". The author believes that the holy fools and the blessed in our time are perceived by society not as saints, but as strange, unlike others, because they try to live according to Christian commandments. The research methods were historical-genetic, comparative-historical, comparative-typological, as well as the method of descriptive poetics, revealing the artistic and aesthetic originality

of a particular text through consistent monographic research. It is concluded that such literary types as the fool and the blessed one, which appeared in ancient Russian texts, underwent transformations in texts of the 18th-19th centuries, remained in the literature of the twentieth century and were again actualized in works of artistic culture of the turn of the 20th – 21st centuries. as a kind of response to sociocultural changes, as a challenge to the mass society with its consumer mindset.

Key words: modern literature, feature films, the fool, the blessed, O. Nikolaeva, the movie “Vanechka” directed by E. Nikolaeva, the movie “Blessed” directed by S. Strusovsky.

Sources

1. Blazhennyj [The Blessed One]. In *Pravoslavnaja jenciklopedija* [Orthodox Encyclopedia]. Moscow, 2002, p. 352. In Russian.
2. Evgenieva A. P. (ed) Blazhennyj [Blessed]. In *Slovar' russkogo jazyka* [Dictionary of the Russian language]. Moscow, 1981. Vol. 1. In Russian.
3. Blazhennaja [Blessed]: film / director S. Strusovsky (91 min. 53 sec.). Russia, Ukraine, 2008. In Russian.
4. Vanechka: film / director E. Nikolaeva (103 min.). Moscow, 2007. In Russian.
5. Jurodivyj Hrista radi [The Fool for Christ's sake] [Electronic resource]. Mode of access: https://old.bigenc.ru/religious_studies/text/4933067. In Russian.
6. Nikolaeva O. Ljubovnye dokazatel'stva [Love proofs]. In *O. Nikolaeva. Kuks iz roda serafimov* [Kuks of the Seraphim family]. Moscow, 2010. pp. 221–246. In Russian.

Literature

7. Amvrosij (Jurasov), arhim. O vere i spasenii [On faith and salvation]. [Electronic resource]. Mode of access: <https://rb.rbook.club/book/16501275/read/page/129> / (accessed: 04.03.2024). In Russian.
8. Simeon (Tomachinskij), arhim. Mjagkaja sila kul'tury [The soft power of culture]. Moscow. 2015. 160 p. In Russian.
9. Boyko S. S. Knigi dlja bessmertnyh: Teocentrichnaja proza pravoslavnyh pisatelej HH–HHI vv. [Books for the immortals: The Theocentric prose of Orthodox writers of the 20th-21st centuries]. Moscow, 2021, 341 p. In Russian.

10. Debolsky G. S. Dni Bogosluzhenija pravoslavnoj kafolicheskoj vostochnoj cerkvi [Days of Worship of the Orthodox Catholic Eastern Church]. Vol. 1. St. Petersburg, 1887. 664 p. In Russian.

11. Feofila (Lepeshinskaja), abbess. «Mecenat» Olesi Nikolaevoj: jenciklopedija rusскоj zhizni [“Patron of the Arts” by Olesya Nikolaeva: encyclopedia of Russian life]. [Electronic resource]. Mode of access: https://pravoslavie.ru/63113.html?ysclid=ltfmtndu5_j670951663 (accessed: 04.03.2024). In Russian.

12. Kovalevsky I. A. Jurodstvo o Hriste i Hrista radi jurodivye vostochnoj i rusскоj cerkvi. [Foolishness about Christ and for Christ’s sake, the fools of the Eastern and Russian Churches]. Moscow, 2013, 256 p. In Russian.

13. Korben A. Istorija tishiny ot jepohi Vozrozhdenija do nashih dnei [The history of silence from the Renaissance to the present day; translated by O. Polyak]. Moscow, 2020, 141 p. In Russian.

14. Panchenko A. M. Jurodivye na Rusi [Fools in Russia [Electronic resource] Mode of access: URL: <http://ec-dejavu.ru/j/Jurod.html>. In Russian.

15. Poznin V. F. Zhanr horror v sovremennom rossijskom kino [The horror genre in modern Russian cinema]. In *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. T. 10. Vyp. 2. Iskusstvovedenie* [Bulletin of St. Petersburg University. Vol. 10. Issue 2. Art history]. 2020. pp. 248–264. In Russian.

16. Samoilovsky A. L. Tipologicheskie cherty obraza jurodivyh v rusскоj pravoslavnoj tradicii (na primere moskovskih svjatyh) [Typological features of the image of the fools in the Russian Orthodox tradition (on the example of the Moscow saints)]. In *Nauka. Obshhestvo. Oborona* [Nauka. Society. Defense]. 2022. Vol. 10, No. 3(32), pp. 22–22. In Russian.

17. Skovorodnikova A. P. Lozhka degtja v bochke meda (ob odnoj «detali» romana Evgenija Vodolazkina «Lavr») [A fly in the ointment (about one “detail” of Evgeny Vodolazkin’s novel “Laurel”)]. In *Politicheskaja lingvistika* [Political linguistics]. 2018. No. 2(68). pp. 29–39. In Russian.

18. Tretyakov N. N. Obraz v iskusstve. Osnovy kompozicii. Svjato-Vvedenskaja Optina pustyn’ [Image in art. The basics of composition. St. Vvedenskaya Optina of deserts]. 2001. 261 p. In Russian.

19. Fedotov G. P. Svjatye Drevnej Rusi [Saints of Ancient Russia]. Moscow, 2003. 700 p. In Russian.

20. Chebotarev I. G. Lingvokul’turnyj tipazh «jurodivyj»: istoricheskaja spravka [Linguistic and cultural type “the fool”: a historical reference]. In *Al’mannah sovremennoj nauki i obrazovanija* [Almanac of modern science and education]. Tambov, 2015. No. 1 (91). pp. 112–115. In Russian.